

А. Новиков

**Записки о городском
самоуправлении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Новиков**
Записки о городском самоуправлении / А. Новиков – М.: Книга по Требованию,
2026. – 226 с.

ISBN 978-5-458-54610-2

ISBN 978-5-458-54610-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАИ.
I. Пресса и общественная жизнь	1
II. Работники общественных самоуправлений.	5
III. Мѣстные люди и національный вопрос.	11
IV. Муниципализация городскихъ предпріятій	18
V. Муниципализация торговыхъ предпріятій.	24
VI. Волокита въ городскихъ хозяйствахъ.	29
VII. Дума	34
VIII. Гласные	40
IX. Думскія засѣданія	44
X. Общественная дѣятельность	49
XI. Городская управа	56
XII. Коммисіи	62
XIII. Непонятное совмѣстительство.	70
XIV. Городской голова.	73
XV. Смѣта.	77
XVI. Оцѣнки.	82
XVII. Статистика.	88
XVIII. Канцелярія	93
XIX. Бухгалтерія.	99
XX. Обязательныя постановленія	104
XXI. Пенсія	110
XXII. Печатный органъ	116
XXIII. Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе	121
XXIV. Низшее пародное образованіе.	126
XXV. Среднія учебныя заведенія	133
XXVI. Основы общественной медицины.	139
XXVII. Ближайшія задачи общественной медицины	147
XXVIII. Санитарія	153

	СТРАН
XXIX. Больницы	159
XXX. Воспитательные дома	165
XXXI. Ветеринарная часть	170
XXXII. Благотворительность	176
XXXIII. Вода и канализация	182
XXXIV. Мостовые и пути сообщения	188
XXXV. Освѣщеніе, отопленіе и телефоны	194
XXXVI. Строительная часть и квартирный вопрос.	201
XXXVII. Городскія земли	207
XXXVIII. Пожарная часть и страхованіе	214

I.

Пресса и общественная жизнь.

Припоминается мнѣ гдѣ-то прочитанный рассказъ изъ китайской жизни: захотѣлось богдыхану узнать, чѣмъ интересуется народъ его, и вотъ поручилъ онъ министру своему освѣдомиться объ этомъ и ему доложить. Приходитъ министръ и докладываетъ, что всюду ругаютъ Ліань-Чу, гусяра, и ругаютъ за пустяки, за фальшивую ноту, за слишкомъ грустный или за слишкомъ веселый выборъ пьесъ...

Удивился богдыханъ... Ліань-Чу былъ его любимый гусярь.— Самъ переодѣлся и побывалъ всюду: въ церквахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, на базарахъ. Всюду ругали Ліань-Чу. Богдыханъ вернулся и велѣлъ его позвать.

— Знаешь ли ты, Ліань-Чу, за что тебя народъ ругаетъ?

— А кого же имъ ругать, о, сынъ неба! — отвѣчалъ Ліань-Чу. — Сановниковъ, учителей, проповѣдниковъ ругать ты не позволяешь. Вотъ на меня всѣ и набросились.

Но богдыханъ былъ человѣкъ справедливый — онъ запретилъ и Ліань-Чу ругать.

Общественное управленіе, земское и городское, играетъ у насъ роль Ліань-Чу. Многое нельзя обсуждать въ газетахъ по причинамъ, отъ прессы не зависящимъ; частную жизнь обсуждать тоже нельзя: не принято, да и не интересно. Остается самоуправленіе: и стоитъ-то его критиковать, и позволено. И пона-

даетъ же ему отъ самыхъ серьезныхъ академическихъ журналовъ и газетъ до юмористическихъ и уличныхъ включительно, всё наполнены главнымъ образомъ обсужденіемъ, критикой, часто восхваленіемъ, еще чаще руганью земствъ, думъ, управъ, а то и отдѣльныхъ гласныхъ и дѣятелей самоуправленій.

Во Франціи про муниципалитеты пишутъ рѣже — охотятся за болѣе крупною дичью.

И въ этой охотѣ дошли до виртуозности!

Я говорю фигурально. Охотятся-то собственно за читателями, а приманкой служатъ дѣятели.

Возьмите какой-нибудь *Intransigeant*. Ропшфоръ (вѣдь крупный общественный дѣятель, крупный писатель и талантъ) ругается какъ извозчикъ, причемъ ругаетъ самыхъ видныхъ дѣятелей республики! Да какъ ругаетъ! клеветаетъ на нихъ, выдумывая и коверкая факты.

И странное дѣло, пока однихъ ругаетъ одна партія, а противниковъ ихъ другая партія, все идетъ какъ слѣдуетъ и ругань и клевета пристаётъ къ нимъ, какъ къ стѣнѣ горохъ... На то они и дѣятели, чтобы ихъ ругали. Дѣйствіе вызываетъ противо-дѣйствіе, ругань—защиту. Но картина мѣняется, когда дѣятель что-нибудь сдѣлаетъ дѣйствительно предосудительное—прекращаются похвалы друзей и ругань противниковъ. Дѣятель сходитъ со сцены — онъ недостойнъ общественнаго вниманія, онъ умираетъ для общества. Такъ было, напримѣръ, съ Клемансо. Его замолчали.

То же болѣе или менѣе замѣчается и у насъ. Наша пресса (чуть-чуть было не перетянулъ на нее эпитетъ французской арміи—великая молчаливица, но забылъ, что наша молчаливица не велика), наша пресса—говорю я, тоже часто ругается, часто клеветаетъ... Къ сожалѣнію, мы-то относимся къ этому не по-французски и всегда готовы взывать къ городовому.

Это-то и есть великая ошибка наша. Отъ этого и происходятъ гоненія корреспондентовъ, избиваніе редакторовъ докторами и другія уродливыя явленія, такъ часто возмущающія лучшую часть общества. А объясняется все это очень просто.

Мы мало работаемъ (мало развита общественная дѣятельность), мало пишемъ (не умѣемъ, да и не позволяютъ), и выходить, что дѣятели и пресса не свыклись между собою и косятся другъ на друга.

Въ Англіи, — беру съ натуры, — писатель отдѣлалъ дѣятеля что называется на всѣ корки и съ номеромъ въ рукахъ летить спозаранку къ нему. Тотъ читаетъ и за чашкой чая пріятели обсуждаютъ статью и вызвавшее ею политическое явленіе.

У насъ—писатель (хотя бы напрасно) отдѣлалъ дѣятеля... и дѣятель сучить рукава, а то запасается палкой или даже револьверомъ.

Происходитъ это у насъ отъ явнаго непониманія значенія прессы.

Въ прессѣ, какъ и во всякомъ человѣческомъ учрежденіи, работаетъ много всякаго люду, хорошаго и дурного, а преимущественно, какъ и вездѣ, средняго. Статьи пишутся соотвѣтственно съ этимъ различно: или чтобы провести идею, иногда великую, или чтобы очернить, оклеветать человѣка, иногда изъ-за самыхъ низкихъ побужденій, большею же частью изъ-за построчной платы.

Шумять, гремѣть больше статьи ругательныя, клеветническія писателей, хотя бы иногда и продажныхъ: такія статьи больше читаются, чѣмъ спокойно написанныя, но сравнивать ихъ можно съ рюмкой водки. Тянутся къ этой рюмкѣ, пьютъ ее съ гримасой, а все-таки пьютъ, платятъ за нее деньги и еще наливаютъ... а на утро кромѣ головной боли не остается ничего.

Оклеветали, молъ, человѣка... и больше ничего. Самому бываетъ сначала, когда не втянулся, досадно, а потомъ ничего—чувствуется, что зло вызываетъ реакцію.

Другое совсѣмъ дѣло—статья объективная, хотя бы и вызванная дѣйствительнымъ зломъ. Чувствуется правда въ ней, хотя бы форма ея была не ругательная. Правда эта колетъ глаза обвиняемому. Голосъ правды звучитъ иногда и не громко, но запечатлѣвается въ умѣ и сердцѣ читателя...

И въ этой правдѣ, остающейся полезной, выдвигающей однихъ и низвергающей другихъ—все значеніе прессы.

Сравните съ золотомъ, съ жемчужинами. Сколько песку надо перебрать, перемыть, чтобы получить фунтъ золота! Сколько раковинъ на днѣ морскомъ надо перебрать, чтобы добыть хорошую жемчужинку! Однако золото—предметъ вождѣлѣвія всѣхъ людей, а жемчугъ—украшеніе царей.

Преклонимся же предъ прессой—носительницей истины, не смотря на толстый иногда слой грязи. Будемъ помнить, что все добро, которое разлилось въ человѣчествѣ послѣднее столѣтіе, главнымъ образомъ распространялось черезъ прессу.

Въ особенности ярко это проявляется въ дѣлахъ суда. Возьмите у насъ. Дореформенный судъ—безъ гласности—судъ безобразный, несправедливый, безчеловѣчный. Судъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ безо всякаго ограниченія гласности вдругъ поднимается на недосигаемую высоту. Уменьшается гласность и, увы! меркнетъ постольку и ореолъ суда!

То же и съ общественнымъ дѣломъ. Въ самомъ плохомъ, неорганизованномъ общественномъ учрежденіи понятіе о добрѣ выше, чѣмъ тамъ, гдѣ гласность преслѣдуется.

Попробуйте взять лишній двугривенный, или нарушить право маленькаго человѣка, и онъ заищитъ... и пискъ его услышится прежде всего въ прессѣ... и почувствуется, что пискъ этотъ законный... и исправятся дѣлающіе зло.

Я могу засвидѣтельствовать значеніе прессы, потому что почувствовалъ на себѣ это значеніе и какъ писатель, и какъ объектъ нападокъ. Какъ писателю, мнѣ удавалось добиваться правды путемъ прессы и притомъ въ борьбѣ, казавшейся, охъ! какъ неравной, съ сильными противниками. Въ полемикахъ чувствовалъ часто удовлетвореніе въ томъ, что содѣйствовалъ уясненію правды и, долженъ сказать, что высшаго я наслажденія въ жизни не испытывалъ!

Какъ объектъ обсужденія въ печати, какъ общественный дѣятель, я тоже прошелъ всѣ фазисы. Сначала я реагировалъ на малѣйшее неодобреніе, затѣмъ, когда одобренія, а тѣмъ болѣе

порицанія стали учащаться, я понялъ значеніе тѣхъ и другихъ. Если наступать на здоровую ногу, не больно; наступать на мозоль—больно, и очень. То же и съ прессой: обвинять тамъ, гдѣ ты не виноватъ—часто изъ-за личныхъ мелкихъ побужденій—обвиненіе, хотя бы талантливое, хотя бы ругательное, стечетъ какъ съ гуся вода. Обвинять справедливо, хотя бы вина твоя была невелика—больно, стыдно въ этотъ день въ глаза людямъ смотрѣть! и ты невольно исправляешься!

А потому, да здравствуетъ пресса! Шире ей дорогу въ думахъ и земствахъ, судахъ и департаментахъ, канцеляріяхъ и управахъ, комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, вездѣ, гдѣ дѣлается общественное дѣло!

II.

Работники общественныхъ самоуправленій.

Сорокалѣтняя практика нашихъ земствъ и нѣсколько болѣе короткая практика городскихъ самоуправленій выработала различныя типы дѣятелей, которымъ, съ одной стороны, принадлежить теперь руководство въ общественныхъ учрежденіяхъ, съ другой—выпало на долю произвести тѣ многотрудныя работы, которыя такъ двинули впередъ умственное и матеріальное развитіе городовъ и деревень.

Чѣмъ вызвана кипучая работа этихъ дѣятелей? Особенно ли благопріятнымъ законодательствомъ, сразу намѣтившимъ для самоуправленій лучшихъ людей? или обиліемъ этихъ людей? или особо благопріятными условіями этой работы? Вотъ въ чемъ надо разобраться.

Надо признаться, что земство имѣло нѣкоторыя преимущества передъ городами. Городское самоуправленіе нѣсколько запоздало своимъ появленіемъ, тогда какъ земства открыли свою дѣятельность въ самый благопріятный моментъ общаго подъема духа, сопровождавшаго Великія Реформы. Это было время,

когда всякій, на время забывъ свои мелкіе интересы, несъ на алтарь общественности свой умъ, свои знанія, свои силы. Когда читаешь земскіе обзоры тѣхъ временъ, поражаешься альтруизмомъ людей, принимавшихъ участіе въ преніяхъ. Личнаго „я“ для нихъ не существовало. Была польза общая, благо народа, или, какъ тогда говорили, нужды земли! Среди плеяды дѣятелей земства, увѣковѣчившихъ имя свое, не могу не упомянуть съ глубокимъ благоговѣніемъ нашего тамбовскаго Цинцинната, князя Васильчикова, перемѣнившего на званіе гласнаго постъ военного министра! Вотъ какъ смотрѣли тогда на служеніе землѣ! Вотъ фундаментъ, положенный въ основаніе земства!

Благопріятствовалъ подъему духа и составъ собраній. Рядомъ съ княземъ Васильчиковымъ сидѣли священники, купцы, мѣщане и выборные крестьяне, при томъ въ такомъ числѣ, что дворянство могло только культурнымъ, а не численнымъ превосходствомъ завоевать себѣ руководящую роль. И надо отдать справедливость тогдашнему дворянству: оно стало во главѣ земства по праву, по дѣйствительно важнымъ услугамъ, оказаннымъ землѣ.

Затѣмъ идутъ смутные семидесятые годы—реакція появляется въ самомъ земствѣ, единодушіе исчезаетъ, разгорается борьба земли и личнаго кармана, альтруизма и эгоизма, свѣтлыхъ силъ и темныхъ...

Можетъ быть, вѣроятно даже, побороли бы свѣтлыя силы, но тутъ обстоятельства мѣняются: умалается самостоятельность земства; гласные отъ дворянъ получаютъ громадный численный перевѣсъ надъ всѣми остальными; крестьяне (и то больше по назначенію) оставляются въ земствѣ какъ декорація, начинается бѣгство изъ земства прежнихъ работниковъ... Исчезаетъ типъ князей Васильчиковыхъ... наоборотъ, чуть ли не каждый дворянинъ лелѣетъ мечту попасть въ земскіе начальники...

Теперь еще кое-гдѣ земскій огонекъ, въ особенности въ губернскихъ собраніяхъ, вспыхиваетъ хоть иногда, иногда же совсѣмъ потухаетъ и отъ внутреннихъ и отъ внѣшнихъ причинъ...

И что же? Умерло земство? Опустилось окончательно? Прекратилась его плодотворная работа?

Нѣтъ. Не такъ быстро, не такъ энергично дѣлается земское дѣло, но все-таки дѣлается. Какіе бы ни были внѣшніе тормазы и внутренній упадокъ, не остановилось же дѣло земской школы, земской медицины. Очевидно, надо закрыть земство или запретить одну изъ его функцій (продовольствіе, статистика), чтобы перестало оно реагировать на требованія жизни.

Постараюсь разобраться въ этомъ. Почему же дѣйствительно дѣло дѣлается, несмотря на низкій уровень собраній? Кто его дѣлаетъ?

Пусть вызываетъ эту дѣятельность жизнь—но гдѣ работники? Кто является исполнителемъ требованій жизни?

Земство ли, сама ли жизнь выработали цѣлые типы работниковъ? Таковыми являются земскій учитель, земскій врачъ, земскій статистикъ, послѣднее время земскій техникъ. Начиналъ такой человѣкъ учить, лѣчить, наблюдать или строить: дѣлался вслѣдствіе отсутствія внѣшнихъ стѣсненій и вслѣдствіе облагораживающаго дѣйствія земли своимъ человѣкомъ для населенія. Попробуйте-ка тронуть съ мѣста такого человѣка! Нельзя! Какое бы ни было земство, хотя бы почти сплошь стоящее противъ всякаго увеличенія смѣты, должно слушаться голоса населенія.

Другіе, сосѣдніе села, волости, районы, видя, что у сосѣдей хорошо, и себѣ начинаютъ требовать людей. И имъ отказать нельзя. Такимъ образомъ движется дѣло даже противъ воли самыхъ земцевъ, часто сговаривающихся передъ засѣданіемъ не уступить и удивляющихся по выходѣ изъ залы, какъ вздулась проклятая смѣта!

Другими словами: жизнь въ искусственныя, тѣмъ болѣе фальшивыя, рамки не всунешь. Это, какъ рожденіе ребенка. Не помогайте родамъ—а ребенокъ все-таки родится, поражая силой своей. Слышалъ я даже отъ деревенскихъ бабокъ, что хорошій, здоровый ребенокъ родится труднѣе, чѣмъ слабый.

Повторяю: въ первыя времена земства дѣло дѣлали земцы,

конечно, не непосредственно, а съ помощью людей, которыхъ привлекли къ землѣ. Затѣмъ картина измѣнилась. Явились препоны внѣшнія и внутреннія. Но та же работа стала производиться не самими земцами, иногда даже противъ ихъ воли, а посторонними, специалистами, сроднившимися съ землею, пришедшими ей по сердцу и полюбившими ее. Нарождался понемногу, развился и сроднился съ населеніемъ земли третій элементъ.

И сроднился онъ настолько, что когда дѣлаются опыты его оторвать отъ земли, то это производитъ впечатлѣніе ампутаціи.

И въ другой формѣ работники должны возродиться! Потому что жизни не остановить, какъ не остановить безъ смерти родовъ женщины!

Перейду къ городской жизни.

Городское самоуправленіе родилось позже земскаго. Время было уже менѣе благопріятно. Если еще не началась, то въ воздухѣ уже чувствовалась реакція. Естественно, что при менѣе благопріятныхъ условіяхъ развилась менѣе совершенная организація.

Есть земецъ, нѣтъ соотвѣтствующаго термина для городского дѣятеля. Разница десяти лѣтъ во времени разработки проектовъ земскаго и городского самоуправленій отразилась на качествахъ самихъ проектовъ. Къ работѣ въ земствахъ было приглашено на первыхъ порахъ все, что имѣло общеніе съ деревней: богатое дворянство, духовенство, купечество и бѣдное крестьянство. При томъ, земство было совсѣмъ безсословно. Уже впоследствии все это измѣнилось, когда фундаментъ былъ заложенъ.

Въ городѣ сразу обратились къ двумъ сословіямъ (да простятъ мнѣ эти термины): домовладѣльцамъ и крупнымъ торговымъ людямъ. Всѣхъ остальныхъ забыли или преднамѣренно оставили въ сторонѣ: квартирантовъ даже богатыхъ, не говоря уже о безчисленныхъ обывателяхъ, голосомъ которыхъ даже совсѣмъ пренебрегли.

Что получилось? Получилась политика городскихъ центровъ въ ущербъ окраинамъ, отсталость городовъ (даже противъ де-